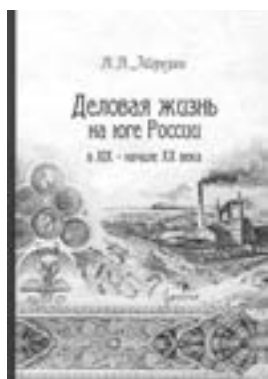

М. И. Роднов

Между историей и политикой:
размышления над монографией
В. В. Морозана «Деловая жизнь
на юге России в XIX — начале XX века»¹

Распад СССР, образование новых независимых государств резко изменили историографическую ситуацию на всем постсоветском пространстве. До 1991 г. существовало своеобразное «разделение труда»: ученые союзных республик изучали местную историю, их разработки использовались в общесоюзных трудах. И, наоборот, исследователям из Прибалтики, Украины, Кавказа и Средней Азии не надо было специально заниматься российскими сюжетами — к их услугам были монографии и статьи историков Москвы, Ленинграда, Урала и Сибири, откуда они получали нужную информацию.

После 1991 г. эта система распалась. В новых государствах практически не осталось специалистов, работающих в масштабах Российской империи или СССР. Кроме того, новые политические реалии, потребность в создании национально-государственных мифологий стимулировали в первую очередь формирование замкнутых национальных (националистических) историографий. В меньших масштабах аналогичные процессы происходили в некоторых бывших автономиях России — Татарстане, Башкортостане, большинстве республик Северного Кавказа.

Но объективная потребность в формировании общей картины исторического прошлого, изучении воздействия макропроцессов на развитие своих территорий и народов никуда не исчезла (например, невозможно честно показывать историю Латвии и Эстонии без учета мощнейших экономических связей с внутренней Россией, когда Ревель, Рига, Либава и Виндава являлись крупнейшими общеимперскими портами, через которые шли гигантские массы импорта и экспорта).

Однако из-за разрыва научных связей (прекращения обмена информацией и научной литературой, минимального участия историков в конференциях соседних государств) при изучении макроистории идеи и факты в лучшем случае заимствуются из западноевропейской и американской историографий (русистики), в худшем — это приводит к трансляции элементарно-популистских мифологем из политической пропаганды.

**Роднов Михаил
Игоревич,**
доктор
исторических наук,
Институт истории,
языка и литературы
Уфимского научного
центра РАН
(Уфа, Россия)

Современные государственные границы «переносятся» в научное и массовое сознание, создавая грубо искаженный образ прошлого. Между Курском и Черниговом, Харьковом и Воронежем столетиями не существовало никакого рубежа. Люди свободно торговали, действовали единые социально-экономические процессы, а современному читателю внушается, что за Харьковщиной, Бухарой, Имеретией лежали чужие, неизвестные края.

Данная историографическая реальность последних двух десятилетий сказалась и на российском гуманитарном сообществе. Ослабление научных связей с коллегами новых государств привело к тому, что в научных работах, касающихся изучения «национальных окраин», российские историки ссылаются в основном на устаревшие работы советского времени, а новейшие монографии, которые в новых государствах даже не переводятся на русский язык, им просто неизвестны. Наконец, в современной российской (русской) историографии проявляется такое же замыкание в границах РФ. При всем глубочайшем уважении к великим предшественникам, не могу согласиться с избранным объектом исследования типа великорусский пахарь / крестьянство, как у Л. В. Милова и В. Г. Тюкавкина².

Можно, конечно, прикрываться этнографической «ширмой», но реальность была иная. Украинский хлеб везли в Москву, дворянство выезжало на лето в малороссийские, белорусские и прибалтийские поместья, далекие Киев и Уфа были соединены множеством нитей и, самое главное, жившие тогда люди не воспринимали губернии, находившиеся от них за тысячи верст, как что-то иноземное.

Аналогичные процессы происходят в названных республиках внутри РФ. Столичные авторитеты и историки из соседних русских областей брезгливо морщатся, когда им предлагают отреагировать на чудесно воссиявший из небытия «град Башкорт» или что-то подобное, а руководство местных национальных (националистических) историографий «в штыхы» встречает попытки проникновения на свой научный рынок, за исключением комплиментарных докладов на официозных форумах. Историей национальных регионов занимаются только энтузиасты вроде В. А. Шнирельмана³. Даже специально созданные в столицах институты «этнического» профиля ныне переключаются лишь на «обработку» материалов и информации, поступающих из научных центров национальных республик.

Серьезное воздействие на подобную ситуацию оказывают финансово-политические факторы. Обращает внимание количество исследований российских историков по скандинавской (включая финскую) тематике, с которой может соперничать только еврейская. Многочисленные правительственные и частные фонды наших северо-западных соседей, имея в конечном счете политическую подкладку, активно финансируют российских историков сопредельных областей РФ и финно-угорских республик. Цель понятна — хорошо знать ситуацию у соседей и оказывать воздействие на гуманитарные (и политические) элиты, создавая в том числе своих «агентов влияния» (как это консервативно-патриотически ни звучит в духе сегодняшнего дня).

А вот бедные страны Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, а также Молдова и Украина не имеют ни средств, ни (особенно!) желаний финансировать исследования российских ученых, как и отечественные фонды. Молодежь не хочет заниматься неприбыльным делом, работая в зарубежных архивах.

Эти рыночные реалии во многом естественны. Книги создаются для своего потребителя/читателя. И только обострение политических отношений стимулирует власть на поддержку различных институтов стран СНГ и пр. Но там доминируют прикладные политические исследования, изучать дворянство Могилевской губернии или пароходство на южном Каспии никто не собирается.

Поэтому такой интерес вызвали новые работы петербургских историков, вышедшие в издательстве «Дмитрий Буланин». На базе своей прежней монографии 1978 г. выдающийся российский историк Т. М. Китанина выпустила кардинально переработанную монографию, по сути новую книгу о хлебной торговле⁴, где приводится массив информации по всем балтийским и черноморским портам. А затем известный специалист в области финансов Российской империи В. В. Морозан представил на суд читателей объемный труд по истории бизнеса причерноморских регионов империи, от Кишинева до Таганрога и Новороссийска.

Новая монография В. В. Морозана содержит множество разнообразных сведений по истории предпринимательства Новороссии, включая уникальные приложения по персоналиям. Автор сумел обследовать местные архивы Молдовы, Украины и России, опираясь на богатейшие коллекции фондов Российского государственного исторического архива, коммерческую периодическую печать и литературу. Сверхзадача книги понятна — показать развитие экономики края вокруг деятельности финансовых учреждений, начиная с многочисленных отделений Государственного банка до частных банков и иных кредитных учреждений.

Работу отличает комплексный подход, автор стремится охватить все отрасли хозяйства, не ограничиваясь только хлебной торговлей, признавая ее решающую роль, с чем нельзя не согласиться. Большинство крупных торговых домов одновременно занимались экспортом зерна, оказанием финансовых услуг, другими видами бизнеса вплоть до открытия промышленных предприятий. В этом автор следует знаменитому труду В. П. Семёнова-Тян-Шанского, вызвавшего такие восторженные отклики современников⁵.

Перед В. В. Морозаном, как и всеми другими историками, обратившимися к business-history, стояла зачастую непреодолимая преграда — отсутствие сохранившихся документов, связанная не только с уничтожением архивов компаний и фирм в советское время, но и с коммерческой тайной любого предприятия. Приходилось нередко выискивать и использовать косвенные свидетельства, раскрывающие характер бизнеса конкретного купца. Неслучайно в монографии большое внимание уделено рассмотрению кризисных периодов, когда обострение положения на финансовых рынках вызывало усиленную переписку, реакцию прессы, ревизии и пр. Любопытно активное использование автором краеведческой литературы причерноморских городов трех современных государств.

В работе чувствуется стремление к персонализации повествования. И здесь В. В. Морозан следует духу времени. Предприниматель — центральная фигура любого бизнеса. Без талантов, энергии, предприимчивости руководителя все объективные предпосылки (капиталы и пр.) останутся нереализованной потенцией. История любого бизнеса — это история его предпринимателя, его личностных характеристик. Возникает вопрос о степени детализации в показе материала. Автор учитывает научные интересы разных категорий читателей: местным историкам и краеведам предлагается поистине гигантский массив информации по конкретному городу или региону; исследователи, чьи интересы лежат в плоскости общетеоретических вопросов, также найдут в книге сведения для анализа. Вообще, книга В. В. Морозана будет крайне полезна специалистам из самых разных регионов России как сравнительный материал по одной из наиболее развитых частей империи.

С этой точки зрения хотелось бы увидеть больший акцент на принципиальном вопросе, неизменно встающем перед любым провинциальным историком экономики, о конкуренции, соперничестве столичных и местных финансовых учреждений за локальные рынки. Вряд ли достаточно гово-

речь только об «определенной конкуренции» (С. 404). Любой предприниматель перед обращением за кредитом тщательно обдумывает, в какой банк обратиться, каковы там условия, чем ему выгодна именно эта структура.

Ведь не только недостаток филиалов Госбанка в пореформенные десятилетия вызвал бум создания по всей стране городских банков, обществ взаимного кредита и иных финансовых учреждений. Как бы ни учитывало местную специфику провинциальное отделение Госбанка, оно в основном проводило политику центра. То же можно сказать и об отделениях московских и петербургских банков. Местный бизнес желал самостоятельности, тем более что открытие кредитов базировалось на личном доверии, которое в основном и анализировалось учетно-ссудными комитетами. Шла жесткая борьба за рынки, и раздельный показ автором деятельности отделений Госбанка и частных структур затушевывает эту непрекращавшуюся конкуренцию. Интересен также вопрос: выкачивали ли столичные банки финансовые ресурсы из провинции?

Наконец, в структуру книги нужно было изначально заложить важнейший вопрос о качестве кадрового аппарата отделений банков. Здесь В. В. Морозан отступает от плодотворного персонализированного подхода, который обязателен для него при изучении частного бизнеса. Нужны списки руководителей всех отделений и финансовых структур, с обязательной оценкой их профессиональных качеств. Эти сведения встречаются фрагментарно, как например о Э. А. Берге, руководителе Севастопольского отделения Госбанка (С. 388), или Ф. С. Миляшкевиче, возглавлявшем Таганрогское отделение (С. 425).

Монография В. В. Морозана для каждого историка экономики Российской империи станет настольным справочным пособием в изучении многообразных сфер народного хозяйства. При этом после прочтения книги складывается впечатление, что автор торопился, в данной работе он объединил несколько проектов, как будто предчувствуя смену эпох. Когда монография еще только печаталась, уже начался майдан в Киеве, затем присоединение/аннексия Крыма, война в Донбассе. Учитывая политическую обстановку, с грустью понимаешь, что фундаментальные работы Т. М. Китаниной и В. В. Морозана на ближайшие десятилетия останутся единственным серьезным достижением российской историографии по изучению экономики причерноморских регионов, названных В. В. Морозаном еще по домайдановской терминологии югом России и Новороссией. У российских историков наверняка возникнут трудности с изучением фондов украинских архивов, да и желающих найдется немного (исключая Крым). При чтении монографии В. В. Морозана можно отметить хронологические пропуски, разную степень внимания к деловой жизни регионов, но все же автор успел проделать очень большую работу.

¹ Морозан В. В. «Деловая жизнь на юге России в XIX–начале XX века». СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 616 с.

² Милов Л. В. Великолукский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Тюкавкин В. Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

³ Шнирельман В. А. 1) Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; 2) Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. М., 2011; и др.

⁴ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX–начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

---

⁵ Семёнов-Тян-Шанский В. П., Штрупп Н. М. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., б. г.

Роднов М. И. Между историей и политикой: размышления над монографией В. В. Морозана «Деловая жизнь на юге России в XIX–начале XX века» // Новейшая история России. 2015. № 1 (12). С. 272–276.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия); mail@modernhistory.ru

---

Rodnov M. I. Review on: Morozan V. V. “Delovaja zhizn’ na juge Rossii v XIX–nachale XX veka”

AUTHOR: Doctor in History, Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center of Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia); mail@modernhistory.ru

REFERENCES:

- ¹ Morozan V. V. «*Delovaia zhizn na iuge Rossii v XIX–nachale XX veka*» (St. Petersburg, 2014).
- ² Milov L. V. *Velikorusskii pakhar i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protcessa* (Moscow, 1998).
- ³ Tiukavkin V. G. *Velikorusskoe krestianstvo i stolypinskaia agrarnaia reforma* (Moscow, 2001).
- ⁴ Shnirelman V. A. *Voiny pamiat: Mify, identichnost i politika v Zakavkazie* (Moscow, 2003).
- ⁵ Shnirelman V. A. *Porog tolerantnosti: ideologija i praktika novogo razizma* (Moscow, 2011).
- ⁶ Kitanina T. M. *Khlebnaia trgovlia Rossii v kontce XIX–nachale XX veka: strategija vyzhivaniia, modernizatsionnye protcessy, pravitelstvennaia politika* (St. Petersburg, 2011).
- ⁷ Semenov-Tian-Shanskii V. P., Shtrupp N. M. *Torgovlia i promyshlennost Evropeiskoi Rossii po raionam* (St. Petersburg).